

КЛЮЧ К СЧАСТЬЮ

Найти его непросто. Помочь в этом людям стремится Абхазский драмтеатр имени С. Чанба

— Эх, кто знает, Кесария, где кончается счастье и где начинается несчастье? И там ли мы его ищем!..

В устах Агабо Богверадзе, старого виноградаря из спектакля «Пока арба не перевернулась» (по пьесе О. Иоселиани), эта фраза — ключевая. Она — итог его долгих раздумий, его жизненного опыта, его тревоги за судьбу сыновей, взрослых, благополучных, вроде бы даже счастливых, но счастье свое понимающих узко, меркантильно, своекорыстно.

— Счастье нам само стучится в двери, счастье! — убеждает его верная Кесария, много лет прожившая с «чужаком»-мужем, для которого нет судьбы лучше, чем жить и трудиться в родной деревне, на родной земле, отдавая ей всю душу. А стучится-то всего-навсего «выгодная» невеста для младшего сына.. И отец, чужа сердцем, что на такого счастья надо его бухнуть, во всю борется за душу его и за ростки совести, еще не совсем увядшие в других своих сыновьях.

Эта борьба и составляет сюжетную основу острой современной комедии: это не спор отца и «детей», а столкновение разных взглядов на жизнь, на место в ней, на счастье истинное и мнимое.

В сочных комедийных сценах, исполненных народного юмора, откровенной нескромности над белоручками-невестками, да и над их мужьями, давно оторвавшимися от благоговорного крестьянского труда, не теряется философская глубина всего, что исповедует, подкрепляя исповедь делом, человек от земли — ветеран-виноградарь. В роли Агабо Богверадзе — Шарах Пачалиа, народный артист СССР, один из старейших Абхазского драмтеатра имени С. Чанба.

Истинное наслаждение — следить за его героем, его лукавыми «штуками», его искристыми глазами, проникать во все его хитрые задумки, «раскусывать» очень непростой характер у которого «под землей в десять раз больше, чем над землей». А главное — за ним не просто

жизетская правда, а жизненная мудрость, человеческая убедительность, неисчерпаемая вера в добро, неприятие приспособленчества и равнодушия. И с такой силой и страстью это сыграно, такими филигранными душевными движениями подтверждено, что образ сценический становится совершенно живым, осязаемым, западающим в душу.

Обстоятельный, подробный разговор, безусловно, заслуживает «Король Лир» с Шарахом Пачалиа в главной роли. Это строгий, по-шекспировски стройный спектакль, но в нем нет академического холода классики и слепого следования знаменитым предшественникам. На всех ступенях своего сценического существования — от королевского «высочества» (хорошо подчеркнутого высоко поднятым пометом) до «бедного, голого двуногого животного», которое видит в человеке (и в себе тоже) прошедший тяжелейшие испытания Лир, артистично сразу не возносится на котурны, не поддается соблазну эффектно выглядеть в монологе, злоупотребить жестом, переключить голос, «пережать» в особо трагичных эпизодах. И не столько драма дочерней неблагородности подчеркнута актером, сколько мучительные поиски смысла бытия, назначения человека. Через всю роль словно протянута одна нить, глубокая и нравственно-философская проблема: что нужно человеку для счастья? И этот «король», и до конца ногтой-«король» предстает перед нами все глубже и глубже мыслящим человеком, прозревающим на наших глазах, постигающим, что есть наносное, а что истинное, где лесть и ложь, коварство и подлость, а где простота и правда.

При всем разнообразии режиссерских концепций, сценно-графических построений в Абхазском театре главная фигура — актер. На перечесте всех, кто запомнился рельефно вылепленной ролью, отменной пластикой, яркой характерностью, а то и просто блестяще в эпизоде. Назовем лишь тех, кто вел опорные, ключевые роли.

Мурбей Канина — писатель Никитин в «Береге» Ю. Бондарева, Конт в «Короле Лире». Их подлинно нравственная высота, умение ценить и отстаивать

правду, твердость, искренность, противостоять подлости, не смотря на невзгоды. И все это — не ходульно, плакатно, «правильно», а с живой кровью и плотью, неповторимостью облика сценического героя.

Минадора Зухба — фесто-ланная и мужу и ослепленная любовью к детям Кесария в «Арбе», чопорная старуха Хлстова (одна из радостей актерских удач в «Горе от ума» А. Грибоедова).

Виолетта Маан — Зина Герберт в «Береге», непримечательная внешне и так ощущением наполненная глубоким, искренним чувством: Корделия в «Лире», простосердечная и прямая, негибкая в горе, глубоко отзывчивая и бескорыстная.

Амиран Тания — мудрый шут в «Лире» и безвольный Ардонба в современной «Нукале» Ш. Чизаду, не сумевший постоять за свою любовь: Шала Гига — колоритный Пималога («Эмигрант из Брисбена»), коварный герцог Карнуэльский (в «Лире») и антипод лейтенанта Никитина сержант Моменин («Берег»).... Этот перечень можно вести еще долго.

Как правило, добротная режиссерская работа в большинстве спектаклей (особенно в «Лире» — Дмитрия Кортева); скажем подробнее лишь в тех, где проявились особенности творческого лица нынешнего главного режиссера — Валерия Кова. Он приглашен на эту должность совсем недавно, в 1985 году и, видимо, задается целью не столько «умирять» актеров, сколько показать, что и режиссер должен быть зрителю из-за актера явлен.

Характерно, что открывал гастроль его спектакль «Гора от ума» — ярко режиссерская (но, увы, бледная актерски) версия классической комедии. Спектакль не новый (1980 года), но, вероятно, для режиссера принципиально важный; ряд постановочных находок (скажем, огромный маятник — символ неумолимого времени), смелый мизансцен, необычно радужных костюмов призван был продемонстрировать умение постановщика нешаблонно мыслить, выносить на суд зрителя решения спорные, дискуссионные. Все бы хорошо, если бы полигоном для эксперимента не была классика... А так очень уж трудно за пластически-хореографическими извращениями распознать знакомые со школьных лет образы, поверить в их жизненность, проникнуться

священным гневом создавшего их бессмертного автора. Может, и это суждение спорно, но и в зале, среди зрителей, не довелось увидеть горячих сторонников подобной интерпретации классики.

Куда более живо воспринимался «Эмигрант из Брисбена» — драма Жоржа Шехеде из жизни современной Сицилии. Полуприческа, полусказка (для взрослых), настоянная на социальном народном говоре, южном темпераменте, с элементами фантастики, феерии, карнавала, она не только изобретательно выстроена режиссерски, но и актерски точна, богата, разнообразна. И снова-таки ищет ответа на нравственную проблему: что предпочесть — честь или богатство? Что ценнее для человека — честное имя или звонкая монета? Экзамен, который держит целая сицилийская деревня, не всем оказался под силу. Зато актеры справились с ним буквально шутя и играя.

В другом ключе поставлен «Берег» — не смелом сочетании временных пластов, с использованием кинематографических «наплывов», прямой публицистики, выходом на проблематику нашего сегодня. Может, и есть потери в психологической глубине (особенно это касается самого трагического у Бондарева — лейтенанта Княжко), но высокий эмоциональный заряд спектакля, его созвучность нашим раздумьям о войне и мире, о судьбе планеты — неоспоримы.

Думается, не обидятся гости на критические ноты в размышлениях о их работе. Гастроль — не парадное шествие, а отчет перед друзьями; друзьям же ни к чему утаивать правду. Мы увидели театр смелый, растущий, с широчайшей амплитудой репертуарных поисков, с далеко не исчерпанным кладом режиссерской и актерской новизны, незамутненным родником творчества.

Пусть же не иссякает этот жизнеутверждающий родник. Заветный ключ к счастью — в глубине его.